

Содномпиллова Марина Михайловна — ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: sodnompilova@yandex.ru.

Authors

Bair Z. Nanzatov — Senior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 6 Sakh'anova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: nanzatov@yandex.ru.

Marina M. Sodnompilova — Leader Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 6 Sakh'anova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: sodnompilova@yandex.ru.

УДК 94(47«1914/1917»)
ББК 63.3(253)

V.M. RYNKOV

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАГОТОВОК ХЛЕБА НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Продовольственное положение населения Восточной Сибири в годы Первой мировой войны анализируется с учетом тенденций развития сельского хозяйства в Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской области и сопредельных территорий, а также динамики межрегиональных торговых связей. Ключевое внимание уделено влиянию государственных заготовок хлеба на снабжение местного населения.

Ключевые слова: заготовки хлеба, Первая мировая война, Восточная Сибирь.

V.M. RYNKOV

STATE GRAIN PROCUREMENT INFLUENCE ON THE FOOD SITUATION OF EAST SIBERIAN POPULATION DURING WORLD WAR I

The article analyses the food situation of East Siberian population during World War I taking into account the tendencies of agricultural economy development in the Yeniseian and Irkutsk governorates, Transbaikal Region and adjacent areas, and also the dynamics of trans-regional business relations. The main attention is paid to the effect of state grain procurement on the local community's supply.

Keywords: grain procurements, World War I, East Siberia.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-01-00067).

В годы Первой мировой войны государству пришлось создать огромный аппарат заготовок продовольствия для армии. Сибирь, которая ранее минимально участвовала в поставках продовольственных продуктов интендантству, снабжая только небольшие местные гарнизоны, во второй половине 1914 г. стала важным источником получения армией хлеба и фуража, масла и мяса. Заготовки зерновых, в частности, затронули Тобольскую и Томскую губернии, Акмолинскую и Семипалатинскую области — основные хлебопроизводящие районы Западной Сибири, кардинально изменив продовольственное положение соседних регионов, ранее получавших сибирский хлеб.

Восточная Сибирь традиционно удовлетворяла значительную часть потребностей собственного населения во ржи, которая здесь в отличие от Западной Сибири, составляла основную продовольственную культуру, а пшеницу всегда ввозила. Положение в разных районах существенно отличалось. В Енисейской губернии производящим хлеб являлся только Минусинский уезд, а все остальные относились к потребляющим. Но ввоз в губернию извне до войны в среднем не превышал символического объема, хотя сильно колебался в зависимости от урожаев. Фуражные культуры (ячмень и овес) даже вывозились, правда в небольшом количестве. В Иркутской губернии собственное производство не позволяло обеспечить население продовольствием. При этом хлеб местного производства вывозился в Якутскую область. В Забайкальскую область ввозились все виды хлеба, так как зерновые местного произрастания совершенно не обеспечивали потребностей населения.

Урожай 1913/1914 гг. сельскохозяйственного года в Сибири был необычайно обильным и дал значительное превышение излишков в хлебо-фуражном балансе. Избыток продовольственных культур составил 150 млн пудов, а фуражных — 90 млн пудов. Уникальные погодные условия позволили собрать в Енисейской губернии продовольственных культур на 14,5 млн пудов больше потребностей населения. Сбор фуражных хлебов оказался на 2 млн пудов больше ежегодной местной потребности. В Амурской области излишки составили 10,5 млн пудов фуражного и небольшое количество продовольственного хлеба. Единственная область, которой не хватило собственного продовольственного хлеба в год начала войны — Забайкальская.

Но необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, восточносибирские запасы оказались незначительны и сильно локализованы. Основной объем товарного хлеба сосредоточивался в Западной Сибири. Во-вторых, в течение года 41,8 млн пудов продовольственного и 9,7 млн пудов фуражного хлеба вывезли за пределы Сибири, еще 3 млн пудов продовольственного и 29 млн пудов фуражного хлеба заготовили для армии, но оставили пока в зернохранилищах [6, с. 6–7]. Сле-

довательно, значительная часть товарных запасов предназначалась к потреблению не в Сибири.

1915 год в Сибири выдался неурожайный. Чистый дефицит хлеба составил 113 млн пудов. Весомая часть излишков на этот раз концентрировалась в Степном крае (24,7 млн пудов). В остальных хлебопроизводящих регионах Сибири урожай оказался почти вдвое ниже прошлогоднего. И хотя в Иркутской губернии и Амурской области он не был кардинально ниже прошлогоднего и не сильно отличался от среднего, но в целом для Восточной Сибири требовалось везти 16,6 млн пудов продовольственного и 7,7 млн пудов кормового хлеба [6, с. 19]. Надежды на Амурскую область быстро угасли. Здесь крестьяне запродали свои излишки казне по твердым ценам. Как выяснилось к осени 1915 г., проавансированные государством заготовительные цены существенно отстали от подросших рыночных и совершенно не соответствовали текущему уровню цен на все другие продукты. В результате сдача зерна интендантству оказалась крайне разорительна. Мало того, этот фактор сдерживающе повлиял на цену зерна даже на свободном рынке. Ввиду отсутствия элеваторов крестьянам оставшийся после казенных закупок хлеб пришлось сдавать мукомолам по очень низким ценам, почти не отличавшимся от казенных. Мукомолы же, хорошо нажившись на дефиците, перепродавали его потом втридорога или придерживали, выжидая роста цен на муку [5; 13]. В этой ситуации не удивляет желание производителей максимально использовать излишки внутри хозяйства, что сократило его поступление на рынок. Аналогичным образом вели себя крестьяне и в Западной Сибири, постаравшиеся по возможности минимизировать поставки на свободный рынок. Низкие закупочные цены и установленные казной таксы на хлеб в 1915 г. депрессивно воздействовали на хлебный рынок.

Авторы специального исследования, написанного по горячим следам, утверждали, что повода для беспокойства нет, так как с учетом запасов прошлых лет Сибирь могла обеспечить себя хлебом в 1915/1916 г. сельскохозяйственном году и еще сохраняла избыточные 37 млн пудов продовольственного и 35 млн пудов фуражного хлеба. Правда, они признавали, что потребление населением и скотом хлеба в урожайные годы всегда выше обычных норм и, следовательно, излишки несколько преувеличены [6, с. 20–21]. Но даже с учетом данного обстоятельства никакой угрозы для продовольственной безопасности Сибири, с точки зрения авторов, не существовало.

Прежде чем рассмотреть ситуацию на потребительском рынке, следует обратить внимание на перспективы обеспечения хлебом Восточной Сибири в 1916 г. В 1916 г. они составили 38,7 млн пудов продовольственных хлебных культур против 40 млн пудов в 1915 г., а кормовых собрали 15,9 млн пудов против 15,8 млн пудов прошлогоднего урожая [11, с. 132]. Правда, сопоставления можно делать только приблизительные. Сведе-

ния, имеющиеся в распоряжении автора, сделаны для 1916 г. в расчете на советское административное деление. В частности, к Восточной Сибири отнесена территория не всей дореволюционной Забайкальской области, а только Бурят-Монгольской АССР.

Тем не менее, валовые сборы этого года примерно совпадали с показателями предыдущего года. Но это не отражает в полной мере положение дел. В Минусинском уезде часть посевов оказалась уничтожена в результате мощнейшего наводнения, а в Забайкальской области дожди частично не позволили собрать уже выращенный урожай [9, 14 июня]. Поэтому действительные валовые сборы оказались ниже, чем подсчитали статистики «на корню», и не поддаются точному определению. Население одной только Забайкальской области через военного губернатора получило 125 тыс. пудов семенного хлеба, большая часть которого подлежала распределению среди крестьян неурожайных волостей [9, 31 марта]. Удастся ли им засеять все площади, определить невозможно.

Действительность опрокинула расчеты специалистов на беспроblemное снабжение населения Восточной Сибири хлебом не только по причинам объективного характера, связанного с климатическими факторами. Война стала серьезным испытанием для хлебного рынка Восточной Сибири. Продовольственное положение большинства городов Восточной Сибири с осени 1915 г. воспринималось как тревожное. Причины этого, на первый взгляд, общие, в каждом регионе имели свои нюансы. В Енисейской губернии отсутствие единой скоординированной системы местного снабжения, а главное, ненадежность и недостаточность единственного водного пути движения хлеба не сразу стали очевидны. Летом 1915 г. в связи с неудовлетворительными ожиданиями цены на хлеб здесь стали подниматься и к поздней осени выросли примерно на 60 %. С установлением санного пути в конце ноября они почти не понизились. Поскольку именно в этот период ежегодно устанавливались самые низкие цены, начинался пик заготовительной активности, это означало, что дальнейшего их понижения ждать бессмысленно. К весне 1916 г. они поднялись на все 200 % [7, д. 691, л. 64]. В неурожайный год рынок не смог удовлетворить требования сельского населения потребляющих местностей губернии, а со стороны городов спрос превысил даже обычный объем из-за наплыва военнопленных, беженцев, роста гарнизонов [2, с. 73]. Города Енисейской губернии развернули заготовки минусинского хлеба через кооперативы, но не смогли сделать достаточные запасы.

В Иркутскую губернию постоянно ввозили хлеб из Западной Сибири. В декабре 1915 г. городские органы здесь столкнулись с серьезной проблемой. Сделать закупки традиционным коммерческим способом оказалось невозможно. Требовалось действовать через правительственных уполномоченных, которые отпускали хлеб лишь при наличии резервов и при полной уверенности, что это не помешает выполнить наряды для

армии [7, д. 700, л. 16]. Поэтому никаких гарантий в удовлетворении запросов населения иркутские продовольственные органы получить не смогли. Попытки городских управ заготовить муку в Томской губернии наталкивались на отказ в связи с отсутствием хлеба, свободного от запродаж казне или продовольственным организациям Европейской части России [9, 12 февр.].

Еще острее выглядела ситуация в традиционно потребляющих сельских и промысловых районах севера Иркутской губернии, в Якутской области. Редкое население этих территорий раньше всегда получало восточно-сибирский хлеб. Заготовки осуществляла казна или владельцы промыслов. Прибайкальские же крестьяне, продав свой хлеб, потом компенсировали его недостаток закупками из Западной Сибири. Но осенью 1915 г. казна и промысловые продовольственные организации не смогли получить достаточное количество хлеба. Некоторые частные торговцы, доставив небольшие запасы муки в Ленский край и Якутскую область, придерживали ее, ожидая повышения цен. В результате зимой 1915/1916 г. население столкнулось с непривычным отсутствием хлеба в казенных лавках. А на рынке цены на него поднялись выше цены мяса [9, 10 янв.]. Торговцы пускали впереди себя слух, что хлеба совершенно нет, а потом предлагали купить его вдвое дороже обычной цены [9, 3 февр.].

Забайкалье до войны ввозило около 5 млн пудов сибирского хлеба и еще примерно столько же из Манчжурии [6, с. 6]. Осенью 1915 г. большинство городских управ били тревогу, объявляя об острейшем дефиците и дороговизне хлеба. Из Западной Сибири он не был получен, а маньчжурский сильно вырос в цене. Даже в Амурской области, считавшейся житницей, снабжавшей хлебом значительную часть территории восточнее оз. Байкал, возникли проблемы с обеспечением населения основным продовольственным продуктом. В сентябре 1915 г. военный губернатор наделил продовольственную комиссию правом произвести полный, а если понадобится, даже принудительный учет всех продовольственных запасов и приступить к заготовкам зерна в Харбине для снабжения им местного населения [1, с. 24]. Амурские мукомолы с лета 1916 г. предпочитали ввозить более дешевое сырье из Китая, чем покупать на местном рынке [9, 28 июля].

Расстройство внутридеревенских и межселенных товарных связей повсеместно вызвало резкое обострение дефицита хлеба в сельской местности, что, в свою очередь, ускорило формирование в восточносибирской деревне сети низовых потребительских кооперативов. Нередко крестьяне создавали кооператив, только перепробовав другие, патерналистские модели. Один из ярких примеров — Макарьевская волость далекого Илимского уезда Иркутской губернии. Когда местное население осенью 1915 г. озаботилось грядущей дороговизной хлеба и угрозой его недостатка на свободном рынке, то сельский сход решил закупить его для

волости централизованно. Сначала обратились к крестьянскому начальнику. Тот организовал операцию через одну частную фирму, затем через другую. Оба варианта показались слишком дороги. Тогда сход назначил доверенных и отправил их на юг уезда для заготовки на местных рынках напрямую от крестьян — мелких производителей. И хотя получилось лишь немного дешевле, все же мужики сочли этот вариант наиболее выгодным и стабильным и в следующем году зарегистрировали уже сложившуюся организацию как потребительское общество [9, 23 февр.]. Данный случай — один из типичных, свидетельствующих в то же время, что динамика регистрации кооперативов серьезно отставала от реального, часто стихийного, складывания потребительских организаций в деревне.

Самоорганизация населения ощутимо смягчала продовольственные проблемы. Напротив, действия властей по регулированию хлебного рынка нередко только усугубляли и без того тревожное положение. Невозможность ввезти хлеб из Западной Сибири поставила на грань срыва снабжение хлебом городского населения. Причем данные публично обещания сплошь не выполнялись. В связи с ростом цен на хлеб, выделенных городскими продовольственными организациями средств, как правило, не хватало. Городские управы делали займы, усиливали дефицитность городского бюджета, но при этом выполняли намеченные планы снабжения только частично. В начале мая в Красноярске произошел продовольственный погром — явное свидетельство переполнения чаши народного терпения [9, 14 мая].

В 1916 — начале 1917 г. местные власти усиленно искали новые пути решения продовольственной проблемы, но эффективных вариантов уже не оставалось. Один из способов снять бремя продовольственной работы с городских управ заключался в том, чтобы переложить его на кооператив. Это редко позволяло кардинально улучшить ситуацию. Не надеясь на поступление хлеба из Западной Сибири, красноярский городской кооператив «Самодетельность», пользуясь тем, что в Енисейской губернии казна не производила заготовок хлеба, приступил к скупке зерна у крестьян Канского и Минусинского уезда. Но кооператоры при этом отмечали, что крестьяне везут хлеб крайне неохотно. Они и не брались предугадать, сколько удастся закупить хлеба, а уж тем более поручиться за снабжение им горожан по определенным нормам [3, 4 янв.].

Еще хуже обстояли дела в потребляющих сельских и поселковых районах, с той лишь разницей, что редкое и разбросанное по тайге население не проявляло склонности к откровенно-погромным действиям, предпочитая искать пути адаптации к острейшей нехватке элементарных продуктов питания. В частности, для снабжения населения Приленского края, испытывавшего последние годы хронические недороды, местная администрация ввела таксы на основные продовольственные продукты. Они оказались ниже себестоимости их доставки в столь отдаленную мест-

ность. В результате частные предприятия предпочли не завозить сюда продовольствие вовсе, включая хлеб. Местному населению оставалось обильно добавлять в хлеб древесную кору. В Якутской области купцы с введением таксовых цен также прекратили отпуск населению крупчатки. Действительно, частный завоз хлеба в Якутскую область в 1916 г. оказался в четыре раза менее обычной нормы. Газеты сообщали о голоде, начавшемся среди инородцев и крестьян Якутской области [9, 19 мая].

Продовольственное положение еще более обострилось в связи с недородом хлеба в Туркестане в 1916 г. Созванное в Ташкенте в октябре 1916 г. продовольственное совещание запросило для снабжения городского населения 15 млн пудов хлеба, а военная администрация генерал-губернаторства — 22 млн пудов. Причем в связи с невысоким урожаем в Нижнем Поволжье, ранее снабжавшим Среднюю Азию, а теперь вынужденном в первую очередь удовлетворять заявки армии, решение проблем целиком ставилось в зависимость от сибирского хлеба [7, д. 608, л. 126–131, 212–213].

Таким образом, свободные запасы сибирского хлеба отсутствовали, направлять в Восточную Сибирь стало нечего.

В декабре 1916 г. руководители сибирского продовольственного аппарата пытались распределить хлеб для Восточной Сибири уже централизованно, предусмотрев что-то похожее на плановое распределение. Принять эти решения заставили тревожнейшие сообщения с мест. Иркутский биржевой комитет информировал о катастрофическом положении с продовольствием. Отметив невозможность производить заготовки на свободном рынке, он взывал к содействию уполномоченных по закупкам хлеба, без которых продовольствие вообще не удавалось получить [7, д. 644, л. 45–46]. О том же вопрошало и продовольственное совещание при Иркутском губернаторе, дважды, 9 и 23 сентября 1916 г., докладывавшее, что все попытки закупить хлеб в Западной Сибири для восточносибирских продовольственных организаций неизменно заканчивались провалом [9, 25 сент.].

В ответ на эти тревожные сигналы в Томске было проведено совещание сибирских уполномоченных по закупкам хлеба, представителей биржевых комитетов, мукомольных предприятий. Оно постановило выделить из заготовленного в Семипалатинской области хлеба 200 тыс. пудов для немедленной поставки в Енисейскую губернию. Еще 500 тыс. пудов полагалось отправить до конца заготовительного сезона. В Иркутскую губернию для городов и Приленских промыслов планировалось ввезти около 2 млн пудов хлеба из Томской губернии. Но кроме того, решено было произвести заготовку 4 млн пудов хлеба в Манчжурии «не стесняясь ценой». Для этой цели в Манчжурию направлялся уполномоченный Особого совещания по продовольствию А.В. Цеклинский. Для Забайкальской области требовался ввоз 2 млн пудов хлеба. Из них

решено в срочном порядке для удовлетворения неотложной нужды выслать 100 тыс. пудов, а остальное также поручали Цеклинскому закупить в Манчжурии [7, д. 644, л. 9–10]. Но и условленного совещанием количества хлеба населению Восточной Сибири выделить не смогли. В частности, министр земледелия быстро отреагировал на решения совещания уполномоченных в Томске, сократив лимиты для срочного обеспечения населения Енисейской губернии вдвое, то есть до 100 тыс. пудов. Причем половину из них следовало вывезти из Челябинска, а вторую половину из Тобольска при наличии вагонов [3, 19 янв.].

Уже 7 января 1917 г. Енисейский губернатор Я.Г. Гололобов телеграфировал в Томск о недостаточности принятых недавним совещанием мер по обеспечению вверенной ему губернии продовольствием. Он просил в срочном порядке выслать все 500 тыс. пудов хлеба — это количество необходимо для срочного распределения между больничными учреждениями, горными промыслами и предприятиями, работавшими на оборону [7, д. 644, л. 47–48]. 13 января 1917 г. подробный доклад о продовольственном положении в Восточной Сибири Николаю II направил иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц. Он отмечал пагубность мясопустных дней для Восточной Сибири, что вынудило его 5 декабря приостановить действие общеимперского закона на территории генерал-губернаторства. Дефицит хлебных продуктов Пильц напрямую связал с запретом вывоза зерна и муки из Западной Сибири. В качестве альтернативы сибирскому хлебу Пильц предлагал списать пошлину с маньчжурской пшеницы, что позволяло смягчить остроту положения путем массивированной интервенции дешевого китайского хлеба. Но сочувствия эта мера в Совете министров не встретила [4, 4 февр.]. 14 января 1917 г. товарищу министра земледелия Н.В. Грудистову сообщили о голоде в Иркутской губернии и Забайкальской области. Начальники Томской и Забайкальской железных дорог настаивали на необходимости немедленного ввоза хлеба по КВЖД и из Западной Сибири. Как они отмечали, последнее сделать не сложно, так как с Томской железной дороги вагоны в восточном направлении шли порожняком, и их можно наполнить хлебом, не нарушая сильно график движения [7, д. 644, л. 54–55]. На этот раз имперское начальство отреагировало очень быстро. Необходимые распоряжения были сделаны уже через три дня. Но результаты можно было получить только в феврале — марте 1917 г. и пожинать их довелось уже другой власти.

Динамика урожайности и сокращение посевных площадей, нарушение транспортировки грузов явились объективным условием ухудшения снабжения сельского, городского и промыслового населения Восточной Сибири хлебом. Но главная причина заключалась в организации масштабных заготовок хлеба в Западной Сибири, которые прервали налаженные каналы снабжения зерном и мукой восточносибирского населения.

Список использованной литературы и источников

1. Вестник Иркутского городского самоуправления. — Иркутск, 1915. — № 7–8.
2. Долидович О. М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны / О. М. Долидович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Ч. III. — Тамбов, 2014. — № 12(50). — С. 71–74.
3. Енисейский край. — Красноярск, 1917.
4. Забайкальская новь. — Чита, 1917.
5. Людеви́г Л. Ю. О необходимости новых путей к сбыту амурского зерна / Л. Ю. Людеви́г // Амурский земледелец. — Благовещенск, 1916. — № 1–2. — С. 9–14.
6. Продовольственный вопрос в Сибири. — Пг., 1916.
7. Российский государственный исторический архив. — Ф. 457. — Оп. 1.
8. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. — М., 1924. — 481 с.
9. Сибирь. — Иркутск, 1916.
10. Софонов А. Об угрожающем недосеве хлебов в 1916 г. / А. Софонов // Амурский земледелец. — Благовещенск, 1916. — № 1–2. — С. 14–18.

Информация об авторе

Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: vadvsvet@list.ru.

Author

Vadim M. Rynkov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Science, 8 Nikolaev str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation; Associate Professor, Novosibirsk State University, 2 Piragov str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vadvsvet@list.ru.

УДК 656.8

ББК 39.17(2Рос)

Т.Е. САНЖИЕВА**ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ ЗАБАЙКАЛЬЯ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Анализируется история почтово-телеграфной связи в Забайкалье. Появление новой телеграфной связи изменило уровень связи, которая особенно нужна была торговцам и золотопромышленникам. В статье рассматривается система управления связью и ее изменения.

Ключевые слова: почтовая связь, телеграф, экономическая история, Забайкалье.